REVIEWS

Открывая Чурилина

По поводу собрания «Стихотворений и поэм» Тихона Чурилина. М.: Гилея. Т. 1. Т. 2. 2012. Составление, подготовка текста и комментарий Д. Безносова и А. Мирзаева

Вышел в свет двухтомник Т. В. Чурилина (1885—1946), поэта, чье наследие долгое время оставалось под архивным спудом и было знакомо читателю лишь в отдельных фрагментах. Действительно, четыре небольшие книги, включая повесть «Конец Кикапу», появившиеся при жизни автора, в сравнении с объемом неопубликованного, выглядят только выхваченными эпизодами, пусть и очень яркими, из творческой биографии писателя. Не могли полностью удовлетворить читательское любопытство, как и профессиональный интерес историков литературы, и позднейшие публикации отдельных текстов Чурилина, выход малодоступных сборников в Мадриде и даже обширные подборки стихов на интернет-сайтах (укажем на сайт «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до…»: http://www.poesis.ru/poeti-poezia/churilin/biograph.htm). Однако эти подступы к поэту, вкупе с публикацией его мемуаров[1] и некоторыми статьями, ему посвященными, создали прекрасную основу для появления отдельного издания, которое знакомило бы читателя с еще одним «затерянным» автором уже с новых позиций, более пристально и последовательно. Особую ответственность на составителей такого сборника накладывает, пожалуй, и еще одно обстоятельство. Чурилин принадлежит к длинно-

© Natalia Jakovleva, 2013
© TSQ 43. Winter 2013 (http://www.utoronto.ca/tsq/)

[1] Т. В. Чурилин. Встречи на моей дороге. Вступительная статья, публикация и комментарии Н. Яковлевой // Лица. Биографический альманах. 2004. Вып. 10. С. 408—494.

му списку писателей, не только волею судеб «забытых», но и причисляемых к т. н. «второму ряду», то есть тех, кого, как правило, не балуют многочисленными переизданиями. Именно поэтому состоявшаяся встреча с читателем приобретает исключительное значение на долгие годы.

Рецензируемое издание снабжено вступительной статьей, небольшим комментарием, и «избранной библиографией». Отдельно стоит упомянуть иллюстративный материал, который замечательно украшает уютные гилейские томики небольшого формата. Выделим уникальный шарж Чурилина, принадлежащий художнице Б. И. Корвин-Каменской, жены и адресата многочисленных текстов поэта.

В первый том собрания включены напечатанные при жизни автора сборники: «Весна после смерти» (М., 1915), «Вторая книга стихов» (М., 1918) «Стихи Тихона Чурилина» (М., 1940). Второй — преимущественно составляют неопубликованные тексты, также в основной своей части вошедшие в «книги», которые были собраны самим автором, но, в силу различных обстоятельств так и не появились в печати. Это — «Март младенец» (1915), «Третья книга стихов» (1921), «Жар-Жизнь» (1932).

Такая логика публикации произведений Чурилина имеет свои основания. Автор уже в предисловии к «Весне после смерти», принесшей ему кратковременную славу, сам настаивал, что его собрание стихов должно быть прочитано именно как «книга», т. е. как замкнутое единство, что в этом случае прямо отсылало к символистской традиции, манифестированной вслед за французами В. Я. Брюсовым в сборнике «Urbi et Orbi» (1903) и ставшей в 1910-е годы общим местом в издании поэтических текстов. Подобное осмысление собственного творчества сохранялось у Чурилина и позднее, благодаря этой особенности легко проследить «путь поэта» вплоть до 1920-х годов. Его книги, объединенные единством темы и героя, распадаются на своего рода поэтические диптихи: «Весна после смерти» / «Март младенец» и «Вторая» / «Третья» книги стихов. Причем «Март младенец» и «Вторая книга» в контексте раннего творчества составляют определенную параллель, яв-

ляясь как бы выделенными из целого «частями», увеличенными фрагментами. Если «Вторая книга», содержащая всего четырнадцать стихотворений, включает тексты одного (1918) года[2], то «Март младенец» уплотнен до одного месяца, причем стихи располагаются в нем по «календарному» движению, от первых до последних дней. Книга открывается эпиграфом, в котором автор перефразирует стих тропарей и кондаков на начало церковного года (Новолетие), поющихся 1 сентября, и датирует эпиграф 1-ым марта, как бы открывая собственный отсчет времени: «Благослови Весть Весны Благостью твоею, Господи! 1 марта»[3]. Тексты, судя по хронологии, пишутся во время поста и Пасхальной недели 1915 года, что позволяет без труда связать с определенными датами церковного календаря ряд стихотворений с опущенной датировкой: «Великий вечер» — 21 марта, «Пасха» — 22 марта, «Благовещенье на Пасхе» — 25 марта[4]. Книга вновь разрабатывала тему воскресения, весьма неоднозначно решенную в «Весне после смерти», где герой представал перед читателем макабрическим мертвецом[5]. «Март младенец», напротив, заканчивается вполне жизнеутверждающим «Неторжественным гимном» (30 марта):

И вот мечта моя: красивый яркий Крым,
Лазурное пальто, веселье, смех, и девы.
Младенец март возрос — иду, любуюсь им,
Забыл на миг свой гроб, безумие, издевы».[6]

---

[2] О ней см.: Лица. С. 432—434.

[3] Ср.: «…благослови венец лета благости Твоея, Господи» (Тропарь, глас 2). (Ср. также: «…времена и сроки Своею властию определивший, благослови круг года благости Твоей, Господи» (Тропарь, Глас 2); «Иже дни и нощи, времена и лета сотворивый, благослови ныне венец лета» (Кондак, глас 2); Сама строчка «Весть Весны» вводит, начиная с эпиграфа, образы благовещенья, нередкие для поэзии начала века (см., например, Гиппиус «Благая весть» (1904)).

[4] Современники вспоминали, что Пасха в 1915 году была очень ранней и Благовещение, которое часто приходилось на великий пост, выпадало на Светлую седмицу.

[5] О лирическом герое книги, см.: Лица. С. 420—422.

Чурилинское творчество 1910—1920 годов развивается по линии словотворческого эксперимента, от стихов, написанных под влиянием Андрея Белого, отмеченного уже первыми рецензентами его книг, до «будетлянских», а точнее, хлебниковских, опытов. Его поэзия все глубже погружается в паронимию. Стихотворные сюжеты развиваются в каламбурных столкновениях, в палиндромной игре («перевертях»), которой пронизан весь текст, скрепленный многочисленными паронимическими гнездами и уходящий в заумь. И хотя, пользуясь словом поэта, «издевы» не покинули его ни в стихах, ни в биографии, «девам» все же удалось оставить след в его творчестве, о чем свидетельствует, например, заумный мадригал, посвященный В. М. Синяковой во «Второй книге стихов»:

Медноденной—
Ой де медь! —
Венц ледяной у лица[7].
У льнеца —
Льнеце я, чтец, — не царь —
В роде ведь.
Веду, в езд въезжая, джар[8],
Вижу: истов, востр царь —
Ей муж[9].
Ему ж и жмурок умных склад,
Ему ж и урны рунной сладь:
Алс! Асл! Ласковый клад.
И лед и лодь и медь менады,
Перуннорунной лады![10]

---

[6] *Чурилин Т. В.* Стихотворения и поэмы. Т. 2. М., 2012. С. 41. «Март младенец» имеет кольцевую композицию: в «Неторжественном гимне» вновь звучит тот же мотив церковного песнопения, что и в эпиграфе: «Благослови, Господь, венец весны — Твой год / Идет и наступил <…>».

[7] Каламбурная игра с сочетанием «у лица», неминуемо вызывает в памяти знаменитое стихотворение В. Маяковского «Из улицы в улицу» (1913).

[8] «Джар» — неологизм от слов «жар» и «раджа». Ср. в стихотворении «Все невесте»: «Раджа я, — джар-павлин взлетелый <…>» (Т. 1. С. 168).

[9] Вероятно, имеется в виду первый муж В. Синяковой Г. Петников, с которым Чурилин познакомился в Харькове в 1918 году.

[10] *Чурилин Т. В.* Там же. Т. 1. С. 160. Обратим внимание, что в стихотворении автор метатекстуально обнажает механизм своего стиха: «Алс! Асл!»

Отметим, что ядром третьей поэтической книги становятся тексты, тесно связанные с «домашним» дружеским кругом, сложившимся в период крымской жизни и объединявшим в первую очередь жену, Корвин-Каменскую, Льва Аренса и некоторых других участников[11]. «Кружковая» поэтика с ее анаграммами и посвящениями органично соединилась с будетлянским «речетворчеством».

В вышедшем издании именно этот период (1910—1920 годы), который мы здесь определяем как «ранний», представлен наиболее полно. Однако, к сожалению, нужно отметить и некоторые лакуны. Дело в том, что стихи Чурилина этого хронологического отрезка наиболее тщательно собраны и подготовлены к публикации самим автором, который дублировал большую их часть в ряде рукописных и машинописных списков. Кроме того, нужно отметить, что мы имеем дело с весьма ограниченным кругом произведений, и на наш взгляд, важной задачей, стоявшей перед составителями, было проследить, чтобы ни один из текстов не выпал из собрания. Досадно обнаруживать затерявшиеся стихи раннего Чурилина, не попавшие в вышедший двухтомник. Среди них, например, акростих Лидии Кузнецовой (1912), опыт достаточно редкий для автора и вместе с тем неожиданно предсказавший позднейшие литературные игры писателя, «В овале вдавленном зеленобледном — три огня» (1916), «Лазурный мед», посвященный Б. И. Корвин-Каменской и явно отколовшийся от «Третьей книги стихов», шуточное стихотворное меню и др. В этом отношении незавершенным кажется и один из разделов первого тома — «Публикации в журналах и альманахах (1916)». Собрать полностью опубликованные в периодической печати тексты поэта не представляло особого труда в силу их известности, доступности и малочисленности. А между тем пропущенное стихотворение «Печальный чал» (1917) (альма-

---

Ср.: паронимическую игру в соседних строчках: склад/ сладь/ клад/ ласковый. «Сладь» — неологизм от слов «сладить» и «сладкий».

[11] Об отразившихся в переписке Т. Чурилина с женой «игровых» ритуалах, см.: Лица. С. 434—438.

нах «Помощь», 1922), как и неопубликованное — «Честный чал» (1917), входят в цикл текстов, связанных с образами «чала», занимающими важное место в творчестве автора, и, кроме прочего, представляют дополнительный «поэтический» контекст для повести «Конец Кикапу». Стихотворение «Мотивы» (первая из известных публикаций), также не включенное в сборник, любопытно своей наивной хрестоматийностью хотя бы в перспективе дальнейших словотворческих экспериментов.

Еще сложнее дело обстоит с «поздним» Чурилиным. Второй том нового собрания, помимо сборника «Жар-Жизнь» и одноименного цикла, включает раздел «Стихи и поэмы разных лет», где на 1930—1940-ые годы приходится всего 31 текст. Это очень немного, и как кажется, составители изначально не задавались целью представить «неопубликованное» за этот период в максимально полном объеме. Отбор текстов, включенных в раздел, производился спонтанно, и многие стихи так и остались забытыми на рукописных страницах.

В 1930—1940 годы на поэта было наложено негласное табу, он практически не печатался, несмотря на советскую правоверность, вступление в Союз писателей и усилия влиятельных друзей провести через цензурные кордоны своего протеже. В силу этих причин меняется и само значение «книги» в его наследии. Вышедший в 1940 году сборник «Стихи Тихона Чурилина» — это уже не модернистская «книга», а избранные произведения разных лет, не только удачно продемонстрировавшие поэтический диапазон автора, но и представлявшие подцензурную попытку вернуться к читателю.

Подготовленный к печати сборник «Жар-Жизнь» (1932) также в первую очередь имел эту цель. Книга дает нам представления о том новом жанре, в котором работает Т. Чурилин после поэтического кризиса 1920-х годов и очередного рецидива душевной болезни. «Песня», жанр популярный в советской поэзии, отчасти позволяет автору продолжить словесные эксперименты: от фольклорных имитаций до введения ролевых, хара́ктерных, персонажей при помощи интонационной игры, что особенно ему удается.

С другой стороны, у Чурилина, вплоть до последних годов жизни так или иначе сохраняется привычка собирать стихи в «циклы» и «книги». Это многочисленные «сезонные» стихи, с их неизменными — «Зима», «Весна, «Осень», «городские» и, уже упомянутые, песенные циклы — только частично представленные в вышедшем собрании. В отличие от стихов «раннего» периода, тексты 1930—40-х годов нередко распадаются на варианты и требуют внимательной текстологии. Отметим, что вошедшая в сборник «Жар-Жизнь» «Башкирская колыбельная. Новая песня» имеет своего неучтенного «старого» «двойника», где герой носит имя Салавата, а не Сани[12]. Цикл «Ленинград» (1935) включает еще два пропущенных текста, где сохранено посвящение, что требует особого, более глубоко комментария. Стихотворение «*Ля-ля-ля-ля-ля*» (по первой строчке) входит в цикл «Отснившиеся песенки» под названием «Первая». В песенных циклах зачастую мы сталкиваемся с целыми группами одноименных текстов. В наследии Чурилина по крайней мере три «Русские песни», одна из которых так и осталась ненапечатанной, поскольку не попала в «Жар-Жизнь».

Пользуясь случаем, приведем также пропущенную составителями «Песню песней» (1934). Этот чурилинский текст, имитирующий звуки пилы, с которой сравнивается песня, замечателен еще и тем, что демонстрирует стихийный прорыв автора к «свободному», «режущему» ухо слову:

Песня песней.
Грустный вой
Песнь Русская.
Пушкин.[13]

---

[12] В 1932 г. именно она исполнялась по радио.

[13] Не лишним будет напомнить предыдущие строчки пушкинской октавы из «Домика в Коломне», в начале которого автор, как известно, демонстративно отказался от четырехстопного ямба:

«Фигурно иль буквально: всей семьей,
От ямщика до первого поэта,
Мы все поем уныло. Грустный вой
Песнь русская. <…>»

Ты, зубчатая
Пила,
Песня русская
Была!
Эхх, до голи,
До гола,
Тело страшное
Пила! —

Тело сел,
Деревень
Тело бабье —
Ягье,
Синее,
Тело полное
Вен,
Чорножолтое,
В инее.

Тело дедов
Костяных,
Тело девок
Рудяных,
Бедных тело
Худое,
Матерей
Без удоя.

Тело выжженных
Степей,
Тело изб,
Как теней,
И полей
Недорода,
Бога-óспода
Урода!

Вся тата́рва
В любу́,
Все татарское
Иго,

Весь аман
В желтом лбу
Все народное
Лихо!

В жилы жосткие
Визг,
Безысходный!!!
Впивался.
Льдом бурановых
Брызг
Весь народ
Опивался.

Пильщик-
Баба-яга,
Так милка́
Овывала,
Что не хуже
Волка́.
До костей
Пронимала.

Пильшик —
Пьяный мужик
Так ревел
Отходную,
Что по заду
Жик-жику
Вспоминали
Родную.

Пильщик-
Рекрут-паренек
Плакал
Горлом и чревом,
Селезенкой
Ёк-ёк
Песнь пиликал он,
Эвва!

Так жила
И плыла
Песенная
Пила —
Ай да были
Дела!
Ай да песня
Была![14]

Помимо «Жар-Жизни», можно вспомнить и другие сборники, составленные Чурилиным, и иногда уже «одетые» в авторскую обложку, скорее всего без всякой надежды донести их до читателя. Отметим, что свое собственное имя в названиях новых книг поэт превращает в каламбур, анаграмму, как бы словотворческой тенью растворяясь в корне «стиха»: «Стихон» (1936); «Стишки» (1940).

Одна из причин, почему писателя не печатали, скрывалась, вероятно, в нем же самом. Несмотря на множество состоявшихся текстов, читая его «позднюю» поэзию, постоянно ждешь «срыва» начатого стиха, который порой вдруг все более и более начинает напоминать черновик или рифменный реестр. Чурилинская «поздняя» поэзия, с ее косноязычием, грубоватостью, «коверканьем» слов, просторечием, неточностью рифм и сбивчивостью размеров, явно не вписывалась в советский поэтический канон. Например, ближайший друг Г. Петников и сочувствующий Чурилину Н. Асеев оказались вполне приемлемы для советской литературы. Чурилин же, пытаясь «петь» на «новом языке», так и не сумел взять нужный тон. Насколько удалось ему справиться с поставленной задачей в широком смысле, а таковая, конечно, была,— судить читателю. Приведем еще одно стихотворение не включенное в вышедшее собрание, где автор создает эпический образ «бабы», крестьянки, столь популярный в советском искусстве[15]:

---

[14] РНБ. Ф. 1294. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 80—82.

[15] В качестве примера укажем на скульптуру В. Мухиной «Крестьянка» (1927). Бронзовый отлив статуи был установлен в Третьяковской галерее. В 1934 году «Крестьянка» экспонировалась на XIX Международной выстав-

Баба (1935)

Обветрена ветром —
Осенним, весенним, степным,
И молнии веером
Соленым-моченым вечером
Одетая небом в теплынь —

В буранную старую шубу,
Стоишь ты, надувши губы,
Кусая немой язык,
Давя исступленный крик
Тупым и тяжелым вздохом,
Молча, не плача, не охая
Ликом каменным, грубым.

А зайчик от месяца светлого
По боку, по левому бегает,
А рябь с осиновых с веток
Тоже играет, пегая,
Живот твой шевеля,
Как ласка хвост кобеля.

Здорово, степная дева,
Чудная серая ева! <так!>
Здорова, как Машка-корова,
Брык, как бодливый бык,
Стоянка поболее века
На подобье меня, человека.[16]

ке в Венеции и была продана в музей Триеста. Кроме того, чурилинские мотивы «каменного лика» вызывают ассоциации с знаменитыми скифскими изваяниями («каменными бабами»), которые ставились кочевниками на курганах в честь умерших. На образ чурилинской «бабы» («степной девы») могла отдаленно повлиять хлебниковская «дева степей» из стихотворения «Каменная баба» (1919), включенного в сборник «Неизданный Хлебников», вып. I—XXX (М.: Группа друзей Хлебникова. М., 1928—1933). Напомним также, что «каменных баб» Н. Гончарова называла «кубическими произведениями» (см.: *Лившиц Б.* Полутороглазый стрелец. М., 1991. С. 71—72).

[16] РНБ. Ф.1294. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 31. См. также публикацию этого стихотворения: http://lucas-v-leyden.livejournal.com/112725

К «забытым» авторам, давно застывшим на вековых «стоянках», подобно погребальным кумирам, оторванным не только от нас, но прежде и от своих современников, приближаться всегда сложно. Одним из необходимых инструментов их «прочтения» является комментарий, который не только помогает узнать поэта одновременно «заново» и «впервые», но и призван восстанавливать потерянный контекст. В вышедшем собрании «Стихов и поэм», предложенный читателю комментарий, очень небольшой по объему, не предполагает глубокого погружения в предмет и никак не может претендовать на полноту. Несмотря на это, отметим, что авторы дают общую информацию об источниках публикации текстов и цитат, преимущественно используемых в эпиграфах и легко обнаруживаемых в интернете, выборочно раскрывают имена наиболее доступных персоналий, в отдельных случаях пытаются объяснить происхождение чурилинских неологизмов. Однако в целом текст остается расплывчатым, а иногда и полностью темным (см., например, комментарий к стихотворению «Брату», том 2, С. 325). Несмотря на ряд архивных ссылок, в комментарии не использована та информация о конкретных текстах и историко-литературных сюжетах, которую можно было бы извлечь из материалов личного архива поэта. Кроме того, «трудные» посвящения так и остались не раскрытыми, а иногда и потерянными, в силу того, что авторы-составители полностью игнорировали текстовые разночтения. Что касается вступительной статьи, предваряющей собрание, то она имеет в основном компилятивный характер. К сожалению, цитаты, зачастую дающиеся по чужим публикациям, иногда воспроизводятся с вновь приобретенными ошибками.

Укажем также на два наиболее серьезных недочета.

Представленное в сборнике двустишие (форма, которая, насколько мы можем судить, у автора не встречается): «А то попеть — пропеть на слух:/ — Так рано и сладко душит луг…» (Т. 2, С. 166) — является началом стихотворения, помещенного на предыдущей странице. Приведем текст полностью с многочисленными разночтениями:

А то попеть-пропеть на слух —
Так сладко дышит луг.

Так падает звезда,
Так светится вода,
И так река рыдает
Что, вот, никто не знает

—Так я люблю страну.
Так я нашу броню.
Так словно «сердце», слово, я
Переплавляю в новое.

И тень плетня кивает
И темя — на диване,
И и́зголови мягкой
Стены диваньей — ляг-ка!

И дым седые локоны
Нарядим окон около.
А вечер — препростой
Он целый день от боли стонет

—То грудь грузима зимним: снег,
позадышало: в бег! в бег![17]

Текст, воспроизведенный из нашей вступительной статьи к публикации мемуаров поэта[18] и числящийся в оглавлении второго тома как отдельное произведение под названием «Вчера умер Сулейман Стальский» (Т. 2, С. 254—258), представляет собой всего лишь фрагмент из длинной черновой записи, требующей тщательного текстологического анализа и дополнительного прочтения. Кроме того, в перепечатке сделана ошибка: вместо <нрзб>, обозначенного после строчки «как во времена Гомера», должна следовать купюра.

[17] РНБ. Ф.1294. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 50.
[18] Лица. С. 448—451.

Тем не менее, завершая наши размышления, нужно констатировать, что встреча с читателем, которую так желал и так ждал автор, произошла. Вышедшее собрание стихов, несмотря на все его недостатки, значительно расширяет «доступный» корпус текстов и дает возможность в той или иной мере открыть для себя таинственные «забытые» страницы. Заверим читателей, что оба тома имеют весьма прочный переплет.

Наталья Яковлева